

(у Р. — вероятно); еще два сочинения: Слово о рассуждении любви и Тропари, относит к сомнительным; остальные восемь сочинений, внесенные в список В. Ф. Ржигой, он решительно отвергает, считая самые принципы, на которых строилось приурочение, неприемлемыми (особенно нахождение этих произведений в одной и той же рукописи с подлинными сочинениями Еразма). Особенно же энергично восстает он против принадлежности перу Еразма «Повести о Петре и Февронии Муромских», не соглашаясь прежде всего с предлагаемым В. Ф. Ржигой распределением многочисленных списков «Повести» на редакции, как построенным лишь на формальном анализе текстов. Если в своих других возражениях Ю. А. Яворский исходит из соображений не фактических, а общего характера (почему они, допуская иные такого же характера, становятся не всегда убедительными), то по отношению к «Повести» он приводит как будто и фактический довод: «Служба» Петру и Февронии, где есть прямой отголосок «Повести» (о змии), вне всякого сомнения существовала уже в XV в., т. е. до Еразма. Если это возражение и серьезно, то оно еще вовсе не решает вопроса о принадлежности «Повести» Еразму в отрицательном смысле: он был составителем или редактором (ср. у Ю. А. Я. на стр. 49. отд. отт.) на основании хотя бы и до него существовавшей «Повести о Петре и Февронии»; чтобы согласиться с Ю. А. Яворским, мы должны быть уверены, что неизвестный составитель «Службы» имел под рукой и взял свой отголосок именно из той редакции ее, которую В. Ф. Ржига связывает с авторством Еразма; а пока это не доказано, сама показательная ссылка на «Службу» остается не убедительной.

Из остальных замечаний Ю. А. Яворского по поводу работы В. Ф. Ржиги заслуживают внимания: его попытки внести более точное хронологическое приурочение отдельных произведений Еразма взамен более общих определений (десятками столетия); указание на возможность не только идейной, но и фактической связи «Правительницы» Еразма с «Челобитной» Ив. Пересветова. Новых фактических данных для объяснения деятельности Еразма рецензент не привлекает.

Уже самое расхождение двух исследователей по существенным вопросам о литературной деятельности Ермолая-Еразма, помимо крупного литературного и общественного ее значения для XVI в., должно будет повести к новому пересмотру этих вопросов, привлечению новых данных.

В. Ф. Ржига. Повесть о Горе и Злочастии и песни о Горе (X, 40—66; 488—315). Изучение повести второй половины XVII в., как новой разновидности этого жанра, отмечаемой установлением связи между